

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

.....

Е. В. Савва¹

В статье анализируются информационные механизмы политизации этничности. Автор приходит к выводу, что этнические элиты активно используют технологии манипулирования этничностью, насаждают идеологемы традиционализма. Борьба в общественном сознании модернизационной и традиционалистской стратегий характеризуется как одно из важных идеологических противоречий современной России. Подчеркивается, что государство и общество на современном этапе недостаточно эффективно применяют информационные механизмы противодействия этническому и религиозному экстремизму.

Ключевые слова: политизация этничности; этнополитический конфликт; технологии манипулирования; этнонационализм; информационные механизмы.

The information mechanisms of ethnicity's politicization are analyzed in the article. The author comes to conclusion that ethnic elite actively uses technologies of an ethnicity's manipulation and actively spread the ideas of traditionalism. One of the major ideological contradictions of modern Russia is a struggle between the modernization and tradition strategys in public consciousness. It's underlined in the article, that the state and a society at the present stage insufficiently effectively apply information mechanisms of counteraction to ethnic and religious extremism.

Key words: ethnicity's politicization; an ethnopolitical conflict; technologies of a manipulation; ethnic nationalism; information mechanisms.

Политизация этничности — понятие, прочно вошедшее в научный оборот после выхода работ Дж. Ротшильда, который обратил внимание на процесс «превращения этничности из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [10, р. 2]. Причины политизации этничности в современном мире стали предметом изучения специалистов в различных областях науки. В настоящее время большинство исследователей связывают данное явление с не-

¹ Савва Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: ev.savva@yandex.ru

равномерностью модернизационных процессов, парадоксами глобализации. Без сомнения, глобализация усилила такую характерную черту современной жизни, как нестабильность. По наблюдению С. Хантингтона, процесс глобализации прямо ведет к тому, что люди «вынуждены переопределять собственную идентичность» [9, с. 37].

Актуализация этнической идентичности может приобретать самые разные формы, в том числе и конфликтные. Если этнический фактор, по образному выражению Дж. Ротшильда, превращается в собственно политическую силу, конфликт в обществе неизбежен. Этнополитические конфликты очень часто приобретают деструктивный характер и не могут служить (в отличие от других форм социальных конфликтов) источником позитивных перемен. Наиболее опасным видом этнополитического конфликта является этнический сепаратизм, часто принимающей форму вооруженной борьбы. Вооруженный сепаратизм можно определить как особую форму этнополитического конфликта, где одна из противоборствующих сторон, идентифицирующая себя в этнических терминах, заявляет о стремлении создать собственное государство и формирует вооруженные отряды, позиционирующие себя как основу будущей армии. Другой противоборствующей стороной такого конфликта выступает государство, столкнувшееся с угрозой своей территориальной целостности [5, с. 387]. Помимо вооруженной борьбы сепаратисты развязывают и информационную войну против государства и общества. Как отмечает В. А. Тишков, лозунг достижения независимости подкрепляется пропагандой вражды к существующему государству и к остальному населению страны, а само положение субъекта сепаратизма рисуется в намеренно искаженном виде [8, с. 351]. Поэтому актуальной по сегодняшний день остается задача информационного противодействия сепаратистским угрозам.

В мобилизации этничности не последнюю роль играют технологии манипуляций общественным сознанием. Признание современной политологией целенаправленного характера мобилизации этничности позволяет особое внимание уделить технологиям этнического манипулирования, хотя ряд авторов справедливо предупреждают об опасности абсолютизации фактора манипулирования вне контекста работающих на этническую конфронтацию объективных и субъективных факторов (от социально-экономических до социально-психологического) [2, с. 89]. По словам Д. Смита, политическим лидерам легко манипулировать этничностью с целью мобилизации населения, особенно в периоды, когда общество сотрясают социально-экономические перемены [6, с. 126].

В этой связи актуален вопрос об изучении конкретных механизмов политизации этничности на примере такого проблемного региона современной России, как Северный Кавказ.

Этнополитические конфликты на Северном Кавказе принимали различные формы, но им всегда предшествовал процесс этнополитической мобилизации, когда от имени этнической группы формировались и предъявлялись политические требования, шли поиски этнического «врага» и могла в более или менее завершённом виде сформироваться идеология подобных движений, чаще всего основанная на постулатах этнонационализма. Этнонационализм, как и любая разновидность национализма, не представляет собой целостной идеологии. Авторы разделяют взгляды тех исследователей, которые считают, что более корректно вести речь о множестве этнонационализмов, проявляющих себя в конкретном политическом контексте. Общее в идеологии этнонационализма то, что она основана на представлении о нации как этнической общности. Идеология политического этнонационализма, при всей условности данного понятия, обосновывает притязания этнической группы на те или иные институты суверенитета, на изменение политических границ и политического статуса территории. Новые политические элиты, пришедшие к власти в постсоветских государствах в начале 1990-х гг., активно использовали классические лозунги политического этнонационализма: каждому народу — свое государство, приоритет прав коренного народа. В первой половине 1990-х гг. реальной была угроза распада Российской Федерации. В первую очередь это было связано с провозглашением независимости Чеченской Республики — Ичкерия. Рассмотрим особенности этнонационализма на Северном Кавказе.

Политический этнонационализм в данном регионе в начале 1990-х гг. не сумел ни мимикрировать к демократическим лозунгам, ни создать или приспособить под себя демократические движения. В этом его существенное отличие от прибалтийского варианта этнонационализма конца 1980-х — начала 1990-х гг. Данная особенность вполне объясняется незавершенностью модернизационных процессов на Северном Кавказе: демократия должна опираться на достаточно высокий уровень автономизации личности.

Особенностью политического этнонационализма на Северном Кавказе стала его неспособность предложить проект институализации правовых норм и создания современного государства. Этой причиной во многом объясняется крах сепаратистского проекта непризнанной Ичкерии. В период с 1996 (подписание Хасавюртовских соглашений) по 2000 г. де-факто Чечня полностью выпала из правового поля Российской Федерации, и этот период большинство российских исследователей оценивают как квазигосударственность. «Традиционалистская революция», т. е. ревитализация архаических элементов социума [3, с. 123] сыграла разрушительную роль в первую очередь для чеченского общества. Не случайно, не сумев выполнить интегративную функцию и функцию легитимации новой власти, чеченский политический этнонационализм вступил в союз с идеологией исламского радикализма.

И хотя в настоящее время в Российской Федерации нет сколько-либо значительных политических сил, выступающих с открытыми сепаратистскими лозунгами, потенциал вооруженного сепаратизма на Северном Кавказе остается высоким. Между тем противодействие сепаратистским угрозам в информационной сфере не поставлено на должный уровень.

В формировании информационных потоков значительная доля ответственности лежит на интеллектуальной элите. По мнению авторов коллективной монографии «Российский Кавказ», в настоящее время на Северном Кавказе общественная мысль и наука тратят непропорциональные ресурсы на второстепенные для развития общества занятия, как то: на доказательства древности и уникальности каждого народа, их великие свершения или страдания, на подсчет и дележку культурных героев, на пропаганду нынешних «возрожденческих» доктрин и на поиск внешних врагов [4, с. 10]. На наш взгляд, особую роль в политизации этничности на Северном Кавказе играют технологии манипулирования общественным сознанием, связанные с сакрализацией традиционной культуры и возрастанием роли исламского фактора. Хотя идеологиемы традиционализма и исламизма взаимосвязаны, они не являются тождественными и периодически конфликтуют друг с другом. Однако технологии внедрения данных идеологем в массовое сознание однотипны. И в первом, и во втором случае активно используются информационные технологии. Разница на сегодняшний день состоит в том, что традиционализм на Северном Кавказе поддерживается региональными правящими элитами, а радикальный исламизм трактуется как нечто привнесенное извне. Поэтому если идеи салафизма пропагандируются в нелегальных печатных изданиях, то идеи исключительности той или иной этнической культуры тиражируются в научных монографиях, учебной литературе, газетных статьях и т. д.

Таким образом, с точки зрения обеспечения информационной безопасности в полиэтничном обществе важно, как СМИ освещают те или иные элементы традиционной культуры. Этническим элитам, которые активно демонстрируют свою вербальную лояльность федеральному центру, выгодно апеллировать к лозунгам сохранения этнокультурной самобытности, используя как раз те элементы традиционной культуры, которые сакрализируют власть, исключая либо существенно ограничивая участие населения в принятии политических решений. Такое состояние дел прямо противоречит провозглашенному курсу на модернизацию. Между тем современные российские СМИ преподносят как нечто романтическое такие элементы традиционной культуры, как умыкание невест, абречество и т. д. Настоящий вызов правовой системе Российской Федерации представляли прозвучавшие на самом высоком уровне весной 2009 г. угрозы применить кровную месть в отношении братьев Ямадаевых. В то же время не получили информационной поддержки усилия президента Республики Ингушетия Юнус-Бека Евкурова по примирению се-

мей, находящихся в состоянии кровной мести [7, с. 80]. Необходимо понимать, что значительное число боевиков на Северном Кавказе рекрутируется с помощью традиционного института кровной мести. Борьбу в общественном сознании модернизационной и традиционалистской стратегий мы считаем одним из важнейших идеологических противоречий современной России.

В условиях высокой напряженности межэтнических отношений усиливается противопоставление «свои — чужие» и соответственно внутригрупповая солидарность. Нарушения прав «чужих» перестают восприниматься в качестве преступлений (если, конечно, ранее они воспринимались так представителями традиционалистских культур). Информация в СМИ о таких нарушениях подается предвзято, ее направленность определяется этническими симпатиями лиц, контролирующих эти средства массовой информации. Фактически в подобных ситуациях законность подменяется этнически ориентированными трактовками справедливости. Яркий пример — события июля 2010 г. в лагере отдыха «Дон» на Черноморском побережье Краснодарского края. В лагере, принадлежащем администрации Ростовской области, отдыхали несколько сотен подростков из Чеченской Республики и юношеская команда этой республики по вольной борьбе. В результате драки, спровоцированной поведением выходцев из ЧР и затеянной чеченскими подростками и взрослыми, конфликт стал массовым. Все отдыхающие из Чечни досрочно покинули лагерь. Средства массовой информации Чеченской Республики представили эту конфликтную ситуацию как погром с избиением чеченских детей, центральные телевизионные каналы и печатные издания дали совершенно иную трактовку событий, в которой вина возлагалась на выходцев из Чечни. Эти события получили очень широкий, общероссийский резонанс.

О подобных фактах целесообразно информировать, используя формат case-study, т. е. описания конкретной ситуации. Это дает возможность использовать опыт восстановления гражданского равноправия в других похожих случаях. Информация о наказании виновных будет содействовать профилактике подобных случаев в будущем. Успех данного направления информационной политики возможен только при широком вовлечении различных структур: правоохранительных органов, образовательных учреждений, СМИ, общественных организаций.

Профессиональное сообщество журналистов России хотя и медленно, но внедряет в практику своей работы правила подачи материалов с этнической проблематикой. Но информационное поле формируется не только официально издаваемой прессой. Угрозу региональной и общенациональной безопасности представляет литература, издаваемая и распространяемая подпольно в виде брошюр и листовок, а также сайты экстремистов. Авторы коллективной монографии «Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе» приводят примеры литературы, в которой

проповедуются идеи насильственной исламизации российского общества, разрушения Российского государства, вражды к русскому народу как носителю идеи государственности, к тем представителям северокавказской элиты, которые активно борются с сепаратизмом. Последних упрекают в «русизме» и масонстве [1, с. 388-389].

Интернет в настоящее время уже является доминирующим информационным каналом для городской молодежи. Уверенное расширение аудитории активных пользователей Интернета позволяет предположить, что в ближайшее время в России он станет основным информационным каналом для всей социально-демографической группы молодежи. Следует отметить, что в настоящее время технологии противодействия сепаратистским идеологиям в кибер-пространстве разработаны слабо.

В научной литературе информационные войны, сопровождающие этнические конфликты, зачастую связываются исключительно с внешними угрозами, с деятельностью зарубежных центров, тем самым недооценивается уровень внутренних угроз. Российское государство и общество должны договориться о стратегии совместного информационного противодействия этническому и религиозному экстремизму и начать эту общую работу. Важно задействовать все имеющиеся информационные механизмы в формировании позитивной гражданской идентичности населения России. Однако успешно решить данную задачу невозможно только с помощью информационных технологий (при всей важности последних). Необходимо поощрение гражданской активности населения, укрепление гражданского общества, совместные усилия Российского государства и общества в решении наиболее болезненных для общества этнополитических, социально-экономических и социо-культурных проблем.

Библиографический список

1. *Алиев А. К., Арухов З. С., Хаубабаев К. М.* Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007.
2. *Богданович В. Ю., Маначинский А. Я., Егоров Ю. В.* Конфликты и войны после распада СССР. Киев: Кий, 2008.
3. *Мастюгина Т., Перепелкин Л.* Косово и Чечня в контексте международной политики // Проблемы национального самоопределения на современном этапе: сб. ст. М.: ИВ РАН, 2000.
4. Российский Кавказ. Книга для политиков. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007.
5. *Савва Е. В.* Потенциал вооруженного сепаратизма в Российской Федерации // Конфликты в социальной сфере и их регулирование. Казань: Печатный двор, 2009.
6. *Смит Д.* Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007.
7. *Тангиев М.* Миротворческие инициативы президента Ингушетии // Бюллетень сети этнологического мониторинга. № 85. Май-июнь 2009. М.: УОП ИЭА РАН, 2009.

8. *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
9. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзиткнига, 2004.
10. *Rothschild J.* Ethnopolities: A conceptual framework. New York: Columbia University Press, 1981.